

Первостепенная задача – повысить качество образования

С одной стороны, очень легко, а с другой – очень ответственно писать о человеке, в которого «влюбляешься» в процессе общения. Но невозможно этого не сделать, когда перед тобой столь одержимый и фанатично преданный своему делу профессионал, женщина с горящими глазами, учитель с большой буквы, собравший вокруг себя коллектив единомышленников, самозабвенно увлеченных своим делом, излучающих столь же сильный оптимизм и непоколебимую веру в лучшее. Уверена, что именно о таких учителях говорят: «Бог дал человеку два колена: одно, чтобы преклонить перед врагом, а другое – перед учителем». Речь пойдет о человеке-искре, который умеет поддержать эту искру и в других, члене Общественной палаты, президенте образовательного холдинга «Наследник» Духаниной Любови Николаевне.

Что такое школа «Наследник»? Для меня это не «юридическое лицо», не стены и парты, не просто сетевой проект... Это живое родное дитя, которое для любящего родителя главный проект в жизни! В его воспитание я вкладываю всю свою душу, все свои знания, на его образование не жалею ни средств, ни времени. И делаю я это не только потому, что как родитель ответственна за судьбу ребенка и хочу передать ему все

самое лучшее. Моя забота о «Наследнике» и «наследниках» – это мой гражданский долг, своего рода отчет перед страной. Ведь от того, какими станут выпускники нашей школы – «наследники», напрямую зависит судьба моей родины – России, и она мне не безразлична.

Кто наследует Россию? На этот вопрос я и все, кто работает в «Наследнике», отвечаем каждый день вот уже много лет. И для нас это не просто слова.

В этом вопросе, в наших делах – наше равнодушное отношение к жизни, к детям, к родной стране, желание меняться и меняться к лучшему и вера в то, что это получится.

«Наследник» – это наша жизненная позиция!

– Любовь Николаевна, начну со стандартного вопроса: как возникла и реализовывалась идея создания холдинга «Наследник»?

– Холдинг «Наследник» стартовал в 1992 году с создания общеобразовательной средней частной школы. Перестройка вместе с теми плюсами, которые она привнесла в нашу жизнь, внесла изменения в график рабочего времени большинства из нас. Активная часть населения стала работать так много, что у нее не оставалось достаточного времени на общение со своими детьми. Государственная школа не могла обеспечить тот режим пребывания и обучения детей, который видели для них их успешные в бизнесе родители. В связи с этим учредители акционерного общества ПТО «Сабурово», одним из учредителей которого являлась и я, приняли решение о создании школы для детей сотрудников и тем самым обеспечили им возможность спокойно трудиться. Школа прошла начальные этапы становления, заявила о себе как о хорошем учебном заведении и, соответственно, стала расти, так как на обучение стали проситься извне.

Школа нуждалась в обеспечении гарантированного существования, но в тот период в России не было закона об образовании, никто не понимал, как можно дать или передать частной школе помещение. Было принято решение о покупке здания для школы, что стало бы, на мой взгляд, основной гарантией надежного будущего школы и, главное, обеспечило уверенность в завтрашнем дне педагогам школы.

В то время нашей организацией был успешно реализован крупный проект, но далеко не все учредители захотели инвестировать свою часть прибыли в покупку здания для школы. Во-первых, дети многих из них уже окончили школу, и личностная заинтересованность была потеряна. Во-вторых, школа не является доходным предприятием, а, наоборот, требует периодических вложений для своего развития. В итоге решение о покупке здания приняла только я и как учредитель осталась одна. Рост количества частных образовательных учреждений в Москве подтолкнул меня к следующему шагу, и я возглавила школу, чтобы обеспечить интеллектуальный задел ее успешного развития.

– Вы фактически стали директором школы?

– Да, я приняла обязанности директора и написала программу обучения детей в цепочке школа – вуз. Были разработаны первые образовательные

проекты, в результате которых у школы появляются вузы-партнеры. Одним из таких проектов стало сотрудничество с факультетом информационной безопасности МИФИ по совершенно новой тогда специальности «Информационная безопасность». В тот момент МИФИ открыл первую в России кафедру юриспруденции и стал готовить юристов, занимающихся компьютерным правом. Проект позволил начать подготовку детей, которые на выходе из института получают два высших образования в области информационных технологий: это непосредственно специалист по защите информационных систем и юридическое образование. Справиться с этой задачей мне помогли факультет информационной безопасности МИФИ и Юридическая академия.

– Каким образом Вы, человек, в своей деятельности не касающийся образовательной системы, в столь короткий срок не только адаптировались, но и сумели создать столь серьезный обучающий проект?

– Я родилась в учительской семье, в которой царит культ образования, все постоянно учатся, имеют научные степени и продвигаются в науке. Сама я окончила МИФИ, к тому моменту, когда возглавила школу, я окончила Академию общественных наук и была кандидатом исторических наук, а также, окончив Академию внешней торговли, экономистом-международником. Мое разностороннее образование позволило мне, на мой взгляд, иметь свое личное понимание того, чему учить ребенка,

чтобы он в дальнейшем был успешен. Смена области деятельности не явилась для меня чем-то новым, так как сама я в большей степени сформировалась как проект-менеджер и к школе отнеслась как к проекту, который находится в области образования. Мои родители всегда учили, что, если ты что-то делаешь, делать надо не просто хорошо, а лучше всех. Эта установка, может быть, иногда излишне давит на меня, но я стараюсь всегда войти в десятку лучших, в независимости от того, в какой области находится проект, которым я занимаюсь. Поэтому с задачей, которую я поставила по школе, за пять лет справилась. Если учесть, что образование – это та отрасль, в которой быстрых результатов не бывает, я считаю это достаточно коротким периодом. И начала я с содержания образования, потому что считаю, что ключевым является то, чему мы учим и как мы учим. Поэтому все образовательные проекты, которые делает школа «Наследник», имеют серьезное научное обоснование, существенную образовательную идею, они хорошо проработаны.

– Замечательно. А если ребенок хочет стать не юристом, а артистом?

– Школа «Наследник» – многопрофильное учебное заведение. У нас 15 вузов-партнеров. После 9-го класса родители вместе с учеником выбирают профиль и 10–11 классы являются профильными. В условиях нашей численности, а мы ее не расширяем, творческую профессию может выбрать всего 1–2 учени-

Турслет в Молоково

Масленица

ка. И для этих двух учеников будет обеспечена полная подготовка, так как одним из наших партнеров является ВГИК. Помимо этого в школе действует множество творческих студий, таких как вокал, современные и бальные танцы, изостудия, флористика, шахматы, декоративно-прикладное творчество, а также мы располагаем прекрасной студией детской анимации и web-дизайна. Анимационные ролики, созданные в студии, не раз удостоивались самых лучших отзывов и солидных наград, а программа студии в 2002 году была признана лучшей школьной программой медиаобразования.

– Что является составляющим холдинга «Наследник»?

– Два здания в Москве: южное и школа-пансион на севере, художественная галерея, подростковый клуб, через который мы делаем все международные проекты, экзаменационный центр по английскому языку, приложение к «Аргументам и фактам» «Я хочу все узнать», детский биржевой центр. Сейчас готовимся к строительству нового здания школы. Если нам удастся построить его по существующему проекту – это будет явлением в России.

– Сколько учеников в школе и классах?

– У нас две площадки. И на сегодняшний день 200 учеников. Мы стара-

емся, чтобы в начальных классах было до 10 учащихся. Чаще это семь-восемь, и мы можем позволить себе деление по уровню подготовки на группы, состоящие из двух и шести или одного и семи учеников. Что не может позволить себе государственная школа, где в классах по 25–30 человек.

В старших классах учатся до 15 человек, и все они могут выбрать разные профили. В этом заключается понятие элитарного, а не массового образования.

– Какова численность педагогического состава?

– Под двести человек.

– Практически 1:1 по отношению к количеству учащихся?

– Это не очень экономически эффективно. Но это происходит потому, что мы действительно сделали много уникального и очень много работы у нас строится во второй половине дня через факультативы, спецкурсы, и на эту работу мы привлекаем большое количество вузовских преподавателей либо ученых, которые привносят совершенно другую культуру в школьную образовательную среду.

– Может ли попасть в школу обычный ребенок из среднестати-

стической семьи? Сколько стоит обучение и по каким критериям идет отбор?

– Цена зависит от класса, в котором обучается ребенок, и соответствует реальным затратам. В связи с этим обучение в начальной школе стоит 7800 у.е. в год, в старшей школе – 10200 у.е. в год. В этой цене все, что может предложить школа: обучение, пребывание с 9 до 18 часов, трехразовое питание, витаминизация, все спецкурсы, спорт, культурная программа.

Образовательная программа школы рассчитана на способных и перспективных детей, то есть мы работаем в ситуации ближе к одаренным детям. При зачислении даже первоклассники проходят собеседование с будущим учителем, логопедом и психологом. В среднюю школу надо сдать письменный экзамен по трем предметам: математике, русскому и английскому языкам. Если же ребенок хочет прийти к нам в 10-й класс, тогда добавляется экзамен по профильному предмету.

– В чем разница между государственным и частным учебным заведением (с позиции государственной власти)?

– Мы обычная аккредитованная школа и находимся в том же положении, как и государственная, в части проверок, контроля, отчетности, выращивания медалистов. С точки зрения базового учебного плана все аккредитованные школы одинаковы независимо от статуса – государственные они или частные. А если продолжить эту тему, то на-

Зимний лагерь в Подмоскowie

до отметить, что на сегодняшний день нет ни одной государственной школы, которая живет за государственный счет. В этом смысле с точки зрения финансирования все школы уже давно являются общественными по своей сути, потому что родители инвестируют колоссальное количество денежных средств на образовательные программы школы. Учитывая этот факт, школы находятся в одинаковых условиях, кроме одного: государственные школы финансируются еще и государством, а негосударственные аккредитованные школы с этого года финансируются государством частично.

– Современные ученики, да и дети в целом, на мой взгляд, перегружены и выглядят хронически усталыми. Есть ли в этой связи в вашей школе «здоровьесберегающие» программы?

– Во-первых, все, что связано с медицинской частью, – это диспансеризация, прививки, три курса витаминных препаратов в течение года, а также система кислородных коктейлей, соки, фрукты. Приборы для обработки помещений, аналог люстры Чижевского. Режим дня, включающий обязательные ежедневные прогулки, спортивные игры, а также бассейн, теннис, лыжи, мини-футбол, стритбол и баскетбол. Для начальной школы существует лечебная физкультура и дыхательная гимнастика. У нас очень развит как внутрироссийский, так и зарубежный туризм, сочетающийся с исследовательской деятельностью. Походы пешие, есть традиционный двадцатидневный байдарочный поход. В году два трехдневных туристических слета, на которые выезжает вся школа. И если ребенок следует режиму дня, который выстроен внутри школы, перегруза не возникает. Он возникает, когда нет смены деятельности.

– Кто является зачинщиком всего этого? Где Вы находите такие ценные кадры, ведь надо быть не только профессионалом, но еще и «гореть» на работе?

– Кадры подбираются годами и по крупинкам. Кто-то выращивается здесь, кого-то «перекупаем», причем не всегда с позиции заработной платы. Если человек по природе педагог, он творец и ему нужно поле деятельности. В учителе очень важно поддерживать огонек, и мы всячески стараемся этому потворствовать. В этих стенах куча идей. Я вхожу в

ВИА школы

школу, бегу по коридору и со всех сторон слышу предложения о создании чего-то нового.

– Любовь Николаевна, давайте перейдем к более глобальным вопросам. Бурные споры о том, что делать с российским образованием немного поутихли. Как Вы относитесь к реформе образования в целом?

– В целом я отношусь положительно к тем стратегическим направлениям, которые зафиксированы в реформе образования. Они вычленены абсолютно верно. Речь идет только о том, чтобы правильно это сделать тактически.

– Ваши первые шаги как члена Общественной палаты в этой связи? Приверженцем чего являетесь Вы?

– Я сторонница грамотного подхода. Первостепенная задача в этом направлении – повышение качества образования. Мы еще помним то время в Советском Союзе, когда образование в средней школе было самого высокого качества. За время перестройки мы его потеряли. При этом мы сохранили позиции по количеству обучающихся, и не просто за счет масштабов страны, а за счет того, что все мамы и папы помнят, что ребенок должен ходить в школу. Но качество потеряно, и это видно по результатам олимпиад. Для того чтобы страна действительно сделала качественный рывок и была мировым лидером в науке и промышленности, должна быть совершенно другая система подготовки кадров, а кадры – это школьники и студенты.

И сейчас самая главная задача – это проработка позиций по улучшению ка-

чества образования. Я очень рада тому, что созданы центры качества, которые объединили лучшие интеллектуальные силы, занимающиеся проработкой критериев качества.

Мы же до сих пор в России не разобрались, как сравнивать школы. Хорошо, что уже четвертый год идет очень серьезный разговор о том, как понимать качество образования и образовательного учреждения. И на сегодняшний день, я считаю, в Москве уже выработаны подходы и определенные критерии понимания качества. Это вопрос, который интересует все перспективные образовательные учреждения, потому что только при «правильных» критериях можно показать, каков реальный уровень школы. Сейчас же многое зависит от пиара. И больше всего в этой ситуации жалко родителей, потому что они не в состоянии реально оценить уровень школы. И в итоге останавливают свой выбор чисто интуитивно на той школе, в которой им понравилось чье-либо лицо или сказали много непонятных, но мудреных слов.

– Каким образом центры качества будут оценивать учебное заведение?

– Для начала школы получают от центров необходимые критерии. Затем они должны выстроить все свои педагогические системы под эти критерии. Позиции критериев формулируются исходя из того, чтобы сделать ребенка конкурентоспособным. Процесс обучения длится не один год, и за это время в мире все меняется. На днях мы с

Мексиканский танец

руководителем Московского центра образования встречались с двумя директорами школ, которые принимают участие в разработке критериев. Далее планируется встреча более расширенным составом. Посмотрев все материалы, я убедилась, что они полностью соответствуют моему пониманию. И вот на этом фоне уже нужно говорить, каков должен быть педагог, чем обладать и какая должна быть зарплата. Просто идти по пути повышения зарплаты – это не перспективно. Надо поддерживать тех, кто работает на развитие и вносит реальный вклад. Работа на развитие означает, что даже внутри образования приоритетной поддержкой должны пользоваться те школы, которые являются инновационными, которые отработывают эти инновационные проекты, и соответственно педагоги-новаторы.

– Что еще Вы собираетесь сделать в качестве члена Общественной палаты?

– Одно из моих основных направлений, которое я планирую, это гармонизация законодательной базы. Все дело в том, что попытка убрать на уровне государства разночтения в разных законах и синхронизировать закон об образовании и налоговый кодекс в итоге привела к тому, что с введением поправки из закона об образовании убрали очень серьезные пункты, которые относили наш закон об образовании к наиболее демократичным в мире. Убрали позицию о том, что если школа использует заработанные деньги на

развитие образования, то они уходят из налогооблагаемой базы. Произошла ситуация, когда с позиции двух налогов, на имущество и на землю, школу приравнивали к любой коммерческой структуре, и это касается любой аккредитованной школы, как государственной, так и частной. Положение нужно изменить, так как оно неправильно по сути и приведет только к тому, что школа вынуждена будет собирать с родителей еще больше денег. При условии введения подушевого финансирования, которое начинается в этом году, увеличатся и сборы в тех же государственных школах.

– Что такое подушевое финансирование?

– Это система, при которой деньги следуют за ребенком. На мой взгляд, правильная мысль: к примеру, на сегодняшний день есть две государственные школы, в одной из которых тысяча учеников, в другой двести, а материальная база, созданная государством, одинакова, и они получают равное бюджетное финансирование. Теперь же деньги будут идти вслед за ребенком. Не нравится ребенку школа, перешел он в другую, и деньги соответственно придут в ту школу, которая соответствует его запросам, и это правильно. Главная задача, чтобы директора школ смогли с этим справиться, то есть научились правильно планировать денежные потоки.

Своей же главной задачей считаю говорить о реальной ситуации в образовании через СМИ, чтобы я могла услышать отклик родителей о правильности понимания вопроса, чтобы в дальнейшем транслировать эту точку зрения и на заседании Государственной думы, и на заседании правительства. По закону Общественная палата дает очень хорошие рычаги воздействия, нужно только ими правильно распорядиться.

– Вы говорите о рычагах воздействия, а президент относительно Общественной палаты сказал, что чиновники не ждут ее представителей, но, тем не менее, он уверен, что работа этого органа поможет развитию нашего общества. Не усматриваете ли Вы в этом некоторое противоречие?

– Здесь возникает естественное противоречие между функциональ-

Идут занятия

Беседа с послом США

ми обязанностями. Общественная палата по закону обладает правами всего лишь экспертизы. И любому нормальному человеку, даже если он очень хорошо работает, не нужен проверяющий. И поэтому я думаю, что очень многое будет зависеть от личностных качеств членов Общественной палаты, насколько они смогут выстроить свой диалог с людьми, занятыми в той или иной отрасли, так, чтобы это было во благо России и в данном случае образования. И это действительно очень сложная задача первого состава Общественной палаты. Ведь механизм привлечения к обсуждению каких-либо перспектив, к обсуждению их общественным нет. А это было бы правильным сделать, потому что на фоне проблем, которые возникли с введением Единого госэкзамена, совершенно ясно, что, если бы разработку системы сделали более открытой, больше информировали людей и обсуждали с ними, многие вопросы вообще бы не возникали и введение было бы более эффективным. Но здесь необходимо сказать о том, что СМИ должны глубже вникать в вопросы для их более эффективного освещения, но это, наверное, тоже связано с проблемой подготовки кадров журналистов.

– **Давайте более подробно поговорим о том, что же, на Ваш взгляд, ожидать от предложения унифицировать российские стандарты образования под европейские: повсеместно ввести единый госэкзамен (ЕГ) или**

высшее образование перевести на бакалавриат и магистратуру?

– В декабре я была на Думских чтениях по этому вопросу, были там и представители регионов. Я поняла, что и москвичи, и представители регионов судят по какой-то новации в преломлении к себе. Ведь основной целью ЕГ является обеспечить доступность образования. Конечно же, москвичам это не понятно, им и так почти все доступно. На самом же деле страна очень большая, и дети из регионов, какими бы они ни были талантливыми, поступить в вуз не могут. К примеру, для того чтобы просто прилететь на экзамен с Дальнего Востока, нужно порядка 30 тысяч рублей, не

говоря о питании и проживании на время сдачи вступительных экзаменов. И в этом смысле ЕГ – единственный шанс для того, чтобы сильные дети из дальних регионов России могли попасть в Московские, Санкт-Петербургские и другие самые лучшие образовательные учреждения страны.

Конечно, с точки зрения учителя освоение тестов для ЕГ – это дополнительная работа, за которую не доплачивают, но ведь с его введением появляется механизм реального оценивания результата, и фактически оценивания независимого. Механизм позволяет оценить результат труда учителя по фактическим результатам детей.

Но цель, которая ставилась введением ЕГ в части доступности, будет решена государством полностью, если вузы действительно будут зачислять по его результатам, иначе это не имеет никакого смысла. Конечно, ЕГ не даст процветать репетиторству. Преподаватели говорят, что детям нужны дополнительные занятия, что в школе их ничему не научили. А я думаю, что каждому преподавателю правильнее думать о собственной профпригодности и брать на обучение реально хороших детей, которые действительно уже во многом опережают учителей, и работать с ними. Произошли цивилизационные изменения, общество меняется очень быстро, дети приспосабливаются к этим изменениям мгновенно, а педагоги так быстро перестроиться не могут, и на самом деле проблема взаимоотношений между сильными учениками и педагогами существует.

Вручение премии в Оксфорде

– Но ведь ЕГЭ не панацея, не секрет, что ответы на тесты можно купить. Именно этого боятся ректоры вузов, которые берут к себе на обучение классического «кота в мешке».

– На мой взгляд, во избежание этого каждые три года надо менять формат проведения ЕГЭ. Россия талантлива, и надо дать сильным детям из глубинки возможность учиться.

Что касается бакалавриата и магистратуры – у нас большая страна и очень большая палитра типов образовательных учреждений, поэтому, что можно для одного учреждения, невозможно для другого. Для гуманитарного и технического учреждения логика образовательного процесса совершенно разная. Приобрести специальность в техническом вузе возможно только за пять, а не за три года. И я очень рада, что обсуждение реформы образования сейчас находится именно в этой содержательной плоскости. Уже никто не говорит огульно, что надо поделить обучение на три и пять лет соответственно. Мы стали глубже мыслить, и это очень хорошая тенденция. А мыслить еще глубже и быстрее нам позволило бы привлечение к обсуждению более широких преподавательских кругов, и не всегда руководителей, а преподавателей вузов, заведующих кафедрами. Очень важны критерии знаний, которыми должен обладать бакалавр и магистр. И самое важное, чтобы эти критерии формулировали работодатели. Недавно я встречалась с рабочей группой по образованию РСРП. В ближайшее время ими будет проведен круглый стол, чтобы определить формулировки и требования, предъявляемые к качеству знаний специалиста в той или иной области и создания механизма трансляции этих критериев в учебные заведения.

– А мы не запутаемся? Разные вузы, разные системы, разные дипломы...

– Работодатели говорят о том же. Они не знают, какие вузы готовят нужного им специалиста. Учебных заведений много, а специалистов на выходе ноль. Выбор учебных заведений огромен, но кто возьмет тебя на работу – вопрос. Поэтому в этой области требуется большая работа по систематизации того, что есть, по созданию критериальной базы того, что нужно на выходе, и, повторюсь,

механизма трансляции требований работодателя в образовательную систему.

– У Вас масса профессиональных наград и званий, Вы являетесь председателем ревизионной комиссии Международного общественно-экономического союза женщин, вице-президентом Ассоциации негосударственных образовательных учреждений регионов России, членом экспертного совета Южного округа, членом-корреспондентом Международной Гермес-академии и Международной академии менеджмента, а также председателем попечительского совета Фонда им. С.В. Образцова, а теперь и членом Общественной палаты. Зачем такие награды и грузки на хрупкие женские плечи?

– Я про награды не помню, я помню про задачи и те проекты, которые мне нужно реализовать сейчас, а награды возникают по ходу, как финал какого-то труда. Я не думаю о них. Так же естественно, как женщина хочет новое платье, я хочу новый образовательный проект. Я очень много работаю, и бог дал мне колоссальную работоспособность. У меня очень хорошая команда профессионалов, которая любит работать и знает свое дело, все они люди творческие. За последние два года в нашем педагогическом коллективе защищены две докторские и три кандидатские диссертации. При этом я не

На юбилее школы-пансиона

забываю всем, кто занимается научной деятельностью, повторять слова очень уважаемого мной ученого: «Вы будете в научном плане правы только при условии, что не потеряете связь со школой и каждую неделю будете выходить к доске и давать уроки. Это будет гарантией того, что все ваши научные изыскания в области педагогики будут корректными».

– Наверное, от бесконечных наградок Вас спасают длительные летние каникулы?

– Лето – очень хороший период для плодотворной работы. Нет детей, и можно подготовиться к следующему учебному году. И тогда все знают, что

они придут 1 сентября, и будет что-то новое. Это ощущение нужно во всех подогревать, и это новое должно соответствовать высокому уровню (глаза Любови Николаевны так горят, что я понимаю, что в ней неисчерпаемый источник новаций, которого хватит надолго).

– Образовательный холдинг «Наследник» – Ваш третий ребенок, а кто два первые?

– Сын и дочь. Сын в прошлом году окончил Академию внешней торговли, экономист-международник. В свое время он окончил нашу школу, наследник – это он, и школа названа в честь него. Дочь – студентка первого курса МИФИ, окончила нашу школу в 15 лет благодаря возможности заниматься по индивидуальной образовательной программе.

– Кому больше всего Вы благодарны в жизни?

– Маме с папой. За то, что они передали мне природные способности, за ту обстановку внутрисемейной любви, которая царил в нашем доме. Папы, к сожалению, уже нет с нами. Когда-то давно я его спросила: «За чем ты меня так назвал?» – и он ответил: «Любочка, ты еще ничего не понимаешь, я назвал тебя самым лучшим именем, тебя люди будут звать Любовью, и, когда они будут так говорить, они будут так к тебе и относиться, а твоя задача дарить им любовь». В семье были необычайно теплые отношения и всеобъемлющее внимание друг к другу, особенно к детям, ко мне и брату, мы были целью семьи. В этом смысле я в своей семье тот человек, который обделяет своих детей вниманием, но надеюсь, что я компенсирую его своим реальным состоянием вселенской любви к ним.

И, конечно, я обязана очень многим своим учителям. У меня были очень хорошие учителя. Наверное, бог или кто-то еще меня вели по жизни, начиная с первой школьной учительницы и заканчивая научными руководителями моих кандидатской и докторской диссертаций. Я всегда испытывала полный психологический комфорт, и это во мне усиливало чувство ответственности, когда я должна не просто сделать, а сделать лучше. И это стало нормой каждого дня. При этом стержень, который дает мне силы, – это любовь к окружающим.

– Ваш девиз по жизни?

– Сделать как можно больше для тех людей, которые нуждаются в моей помощи, и увидеть их счастливые глаза.

– Было ли в Вашей жизни что-то, в корне изменившее привычный ход событий?

– Это было во времена моей коммерческой деятельности, и к школе я имела отношение только как учредитель. Я полетела в Бразилию на научную конференцию под названием «Защита прав биосферы». Тема была такова, что состав присутствующих был удивительным: все ученые и шаманы мира. На неделю я поместила себя в сказку, увидев и услышав массу непостижимого и гениально простого одновременно. Одной из обсуждаемых тем было предназначение человека на земле. Конечно, мне, как и любому человеку, было интересно узнать о своем предназначении. И по схеме, истоки которой уходят еще к племени Майя, моим предназначением оказалось образование. Мне это запало в голову. И когда я вернулась в Москву, еще не будучи директором школы, поверив в свое предназначение, я решила стать им и добиться результатов.

– Что бы Вы могли пожелать нашему журналу в заключение нашего разговора?

– Журнал очень хороший, очень интеллектуальный, в нем присутствуют те персоны, которые реально являются интеллектуальным цветом нации. Содержание формирует и читателя: те интервью, которые вы печатаете, хочется перечитывать, многие детали проецируешь на се-

бя и находишь подсказки. Я хочу, чтобы ширился круг ваших читателей, потому что это будет хорошим показателем интеллектуального роста россиян.

Профессионального успеха, семейного счастья, реальной заботы государства – всем вам, дорогие читатели.

– Любовь Николаевна, не упустили ли мы что-то важное в разговоре?

– Я бы еще раз хотела коснуться уникального биржевого проекта, которому нет равного в мире, участниками которого являются дети 15–17 лет. Недавно проходил конкурс трейдеров, в котором участвовали 856 студентов из 42 ведущих вузов, представляющих 15 городов России.

Первое место в этом конкурсе заняла команда школы «Наследник», но главное не это. Главное, что российские дети из обеспеченных семей показывают такие результаты, и это очень важно. Ведь не секрет, что в обществе существует мнение о том, что тот, кто сегодня растет в обеспеченной семье, – плохой, не такой, как надо. Я хочу, чтобы вы напечатали, что это очень хорошие дети и они достойны тех хороших семей, в которых растут. Они интеллектуалы, для того чтобы так побеждать, нужно много трудиться. Это не «распальцованные» дети, которые не понимают что и откуда, все имеют и ничего не хотят. Это хорошо образованные и воспитанные трудяги.

P.S. Низкий поклон вам, дорогие учителя школы «Наследник», за такую искреннюю любовь к детям.

С уважением, Инна ШАРИНА

Л.Н. Духанина награждена Золотым почетным знаком «Общественное признание»